

Владимир Галактионович Короленко

Обрывок

**Короленко Владимир
Галактионович
Обрывок**

Владимир Галактионович Короленко

Обрывок

(Этюд)

I

В небольшом кружке, собравшемся вечером за чайным столом, речь шла о предчувствиях. Между нами был молодой еще человек, нервный и впечатлительный, которого, по-видимому, очень интересовали высказываемые по этому вопросу мнения. Он молчал, внимательно прислушивался и быстро курил папиросу за папиросой.

- Бьюсь об заклад, - сказала хозяйка, - что NN мог бы нам порассказать кое-что сверхъестественное из собственной практики... Вы такой нервный, добавила она, когда молодой человек вопросительно поглядел на нее...

Он отряхнул пепел со своей папироски и задумчиво ответил:

- Нет. Правда, со мной был довольно странный случай, но я сам объясняю его вовсе не предчувствием. Просто тонкая и почти бессознательная индукция...

- Ну, бог с ними, с объяснениями, - живо перебила хозяйка, - лучше расскажите самый

случай.

- Пожалуй, - ответил молодой человек. - Хотя это и будет отклонение от прежней темы вашего разговора, но я думаю, что, и помимо "сверхъестественности" случай довольно интересен...

II

- Так вот, - начал рассказчик, - это было в N-ской тюрьме. Меня привезли туда перед закатом солнца. Вошли мы сначала в небольшую комнатку, помещавшуюся в пристройке, примыкавшей к тюремной ограде, но ход был снаружи. Обыкновенно канцелярии при тюрьмах в Сибири устраиваются таким образом, чтобы можно было входить в них и выходить оттуда, не тревожа начальника караула. Дело было осенью. Ветреный, но ясный день сменялся таким же ясным холодным вечером. Уже давно, когда мы мчались по дороге, залегавшей меж горами, я видел на небе слабо зарисованный серп молодого месяца. Из-за гор выбегали белые тучки, сначала по одной, потом целыми стаями, и быстро бежали по ясному небу, точно стаи испуганных птиц. На сердце у меня и без того было не осо-

бенно радостно, а тут еще эти молчаливые горы, дорога, широкими уступами скатывавшаяся в затуманенную долину, мороки в ущельях, унылый перезвон колокольчика и эти бесшумно летевшие по небу стаи облаков нагнали на меня какое-то особенно странное состояние духа. Как будто и тоска сжимала сердце, и жизнь среди этих бесцельных странствий надоела... Больше же всего надоело думать о том убежище, которое вот скоро уже ожидало меня там, в долине. Мы приближались к городу, а стало быть, мне предстояло ждать в тюрьме несколько дней, пока нарядят других провожатых.

Пыль или туман стояли над долиной, а быть может, и то и другое, только, вглядываясь в расстилавшееся подо мною пространство, я не мог разглядеть города. Что-то туманно-серое, грустное и неопределенное залегло на необозримое пространство у подножия гор, и наша повозка быстро катилась в это фантастическое море. Только глухой отдаленный звон доносился оттуда смутным гулом. Праздника не было ни в тот день, ни в следующий. Должно быть, кого-нибудь хоро-

нили.

Я был не в духе. Мои провожатые, с которыми мы много и очень мирно беседовали дорогой, теперь притихли тоже, чувствуя, что мне не до разговоров, они понимали, по-видимому, что если есть в нашем взаимном положении что-либо не располагающее вообще к особенной дружбе, то теперь оно может сказаться резче, чем когда-либо.

"Господин, - заговорил наконец один из них с робким доброжелательством. - Вот скоро приедем в N-ск, уж вы, пожалуйста, там со зрителем поаккуратнее".

"А что?" - переспросил я неохотно и с безотчетной досадой.

"Да так... Характерный очень..."

"А, черт с ним, с его характером, - огрызнулся я. - Мне-то какое дело".

Провожатый смолк. Наша повозка ехала уже между какими-то повалившимися заборами, пустырями и покосившимися лачугами. Город оставался вправо, а мы держали путь прямо к тюремным воротам.

В небольшой каморке канцелярии засуетились. Какой-то субъект в штатском платье

и еще два человека в арестантских халатах и с тузами составляли штат тюремной канцелярии. Не только в Сибири, но во многих местах и в России смотрители тюрем употребляют арестантов на канцелярские работы. Обыкновенно это бывают какие-нибудь бывшие канцеляристы, посаженные "на сроки", которым, стало быть, незачем рисковать побегом. Порой это какой-нибудь "дворянин", "владеющий отлично пером" и прельстивший смотрителя своими талантами.

Послали за смотрителем. Писаря-арестанты как-то уныло и робко скрипели перьями, а штатский господин, с распухшей, очевидно, от водки физиогномией, тотчас же подошел к моим провожатым и завязал с ними беседу, стараясь выказать всю утонченность своих манер и своего слога. Я присел на скамейку у окна, облокотился на локоть и задумался.

То, что происходило теперь в канцелярии, как-то смутно проходило в моем сознании. В комнате становилось темновато, однообразно поскрипывали перья, тикали часы, жандармы переминались с ноги на ногу, позвякивая оружием, и по временам кто-нибудь из них

зевал, прикрывая рот шапкой. Штатский господин свертывал себе из их табаку "гусара", а со двора слышалась охрипшая дробь барабана, давшего первую повестку к вечерней заре.

После второй повестки оба серых писца встали, аккуратно сложили бумаги и удалились, причем один позвякивал цепями. Еще раньше я видел, что один из жандармов о чем-то спросил у штатского господина, но тот многозначительно мигнул в сторону арестантов и ничего не ответил. Теперь, когда они вышли, он только оглянулся на меня и начал что-то тихо рассказывать. Я мог бы заключить и тогда, что он рассказывает что-то интересное, и, пожалуй, в другое время даже наострил бы уши; но в ту минуту я и видел и слышал все точно сквозь сон; странное состояние апатии и тоски овладело здесь мною еще больше. Собственно говоря, я даже не должен бы вам рассказывать тех мелочей, которые я сейчас передал, так как в ту минуту они прошли для меня совершенно незамеченными, и только впоследствии дальнейшие события заставили меня оглянуться в памяти на эти минуты, и мне удалось с некоторым

усилием восстановить в уме потускневшие воспоминания.

Один жандарм, высокий, черный и худощавый, стоял, опершись о стенку плечом, и с видом усталого равнодушия смотрел сверху вниз на небольшого человечка, который, озираясь и понижая голос до самого тихого шепота, что-то суетливо рассказывал. Другой жандарм, тот, который предупреждал меня в дороге, - высказывал более внимания; его лицо выражало любопытство. Все это довольно смутно рисуется теперь в моей памяти, однако и теперь еще я ясно помню одно мгновение, когда вся группа была проникнута особенной экспрессией. Рассказчик, очевидно, рассчитывая на эффект, как-то приподнялся на цыпочки, подался вперед, сказал какую-то фразу и опять откинулся, как будто любуясь произведенным впечатлением. Действительно, оба слушателя отразили на себе одновременно одно чувство, которое мне трудно охарактеризовать одним словом. Более экспансивный из них, поменьше, - как-то тоже отдался назад, лицо его слегка вытянулось, губы чуть-чуть раскрылись. Высокий, более сдер-

жанный, не проявил своего чувства ни одним движением, однако я очень ясно помню, что его фигура в эту минуту даже больше запечатлелась в моем уме: по его угрюмому лицу на мгновение пробежала какая-то тень.

Повторяю, в то время все эти впечатления проходили перед моими глазами, совершенно не касаясь сознания, и если теперь я могу передать их, то скорее благодаря свойству памяти сохранять даже бессознательные ощущения, как негатив сохраняет в течение известного времени дагерротипные образы. Не могу даже сказать, действительно ли я и тогда испытывал то неприятное ощущение при виде дальнейших жестов штатского господина, какое теперь неразрывно приурочивается для меня с этим воспоминанием. Сказав тихо еще несколько фраз, он подошел к окну, у которого стоял высокий жандарм, и, взяв рукой за решетку, провел затем той же рукой по воздуху каким-то странным жестом и затем присел у самой стены на корточки, склонив голову набок. Его фигура на корточках рисовалась на затененной стене каким-то очень неприятным пятном. Даже высокий жандарм

слегка отодвинулся от окна. Быть может, впрочем, это движение объясняется просто желанием лучше видеть.